

ТРИЛОГИЯ "МЕЛАНХОЛИЯ"

Стеклянные тела

SVART MELANKOLI

Erik Axl Sund

Glaskroppar

ТРИЛОГИЯ "МЕЛАНХОЛИЯ"

Эрик Аксл Сунд
**Стеклянные
тела**

Перевод с шведского
Елены Тепляшиной

издательство **АСТ** Москва

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4ШВЕ)-44
С89

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Published by agreement with SALOMONSSON AGENCY

С89 Сунд, Эрик Аксл.
Стекланные тела: роман / Эрик Аксл Сунд; пер. с швед.
Е. Тепляшиной. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. —
512 с. (Лучший скандинавский триллер).

ISBN 978-5-17-092451-6

Швецию охватила волна самоубийств: в разных уголках страны подростки лишают себя жизни самыми жуткими способами. Общий знаменатель в этих случаях — старые кассетные плееры с записями музыки, от которой становится не по себе даже полиции и автор которой — некто Голод. Вскоре Йенс Хуртиг, ведущий расследование, понимает, что самоубийства неясным образом связаны с чередой убийств влиятельных людей. И эта связь гораздо страшнее, чем можно было вообразить. Музыка, живопись, подавленные желания и задушенная ненависть, детские душевные травмы, месть, Бог и отсутствие Бога, неутолимая жажда жить и умереть — все это сплетается в клубок, распутать который пытаются герои романа, каждый по-своему. “Стекланные тела” — первая книга из задуманной трилогии “Меланхолия”.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4ШВЕ)-44

ISBN 978-5-17-092451-6

© Erik Axl Sund, 2014
© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство АСТ”, 2017
Издательство CORPUS ®

Содержание

Фаза первая:

ШОК

9

Фаза вторая:

РЕАКЦИЯ

217

Фаза третья:

ОБРАБОТКА

333

Фаза четвертая:

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

487

Фаза первая:

ШОК

*“Life is meant to be more than
this and this is a bum trip¹”.*

¹ Жизнь должна быть чем-то большим, чем неудачное путешествие (Лу Рид, “*Caroline says II*”) (англ.). Здесь и далее примеч. перев.

ИДИТЕ К ЧЁРТУ

Салем

Ее зовут, как мать Христа, а живет она в южном Стокгольме, в Салеме, который отличается от Иерусалима пятью буквами.

Забывшее богом место, думает она, поднимаясь по велосипедной дорожке, ведущей к серому многоквартирному дому. Дом погружен во тьму — снова отключили электричество, в третий раз за неделю; домофон не работает, и она достает ключи.

Руки дрожат — она сама не знает, от страха или от предвкушения.

В целлофановом пакете у нее в руке — семьсот пятьдесят граммов контрабандного русского спирта, а также литр жидкой хлорки.

Мария отпирает дверь квартиры и входит в темную прихожую. Ищет стеариновые свечи, ставит их на столик в гостиной, зажигает.

Вынимает телефон. Напоследок ей хочется по-

говорить с кем-то, кому она доверяет, а Ваня — единственная, кто, возможно, ее поймет. Ване случилось опускаться на ту же глубину.

Это плохо — сравняться с кем-то в том, что ты достиг дна. Это болото, слепая елань бессмысленности, и чем больше трепыхаешься, тем глубже увязаешь.

Гудки плывут, но Ваня не отвечает.

Она ждет. Звонит Ване еще несколько раз. Безуспешно.

Но ей необходимо с кем-нибудь поговорить, и за неимением других — пускай будет Исаак. Они не виделись со времени его последнего мастер-класса в “Лилии”, да и знают друг друга не так уж хорошо. Но он ей нравится. Исаак берет трубку прямо перед четвертым гудком.

— Привет, Мария! — Она слышит, что Исаак где-то на улице. Ветер задувает в микрофон. — Как дела?

От его голоса озноб немного отпускает, и Мария бросает взгляд на целлофановый пакет.

— Отлично, — врет она. — Как раз закончила автопортрет, вот!

На том конце фоном шумят волны, хохочут чайки.

Как непохоже на ее собственный саундтрек.

— Слушай, здорово! И нос получился? — Он смеется. Мария вспоминает, как они часами старались правильно передать ее кривоватый нос.

— Да, думаю, получился, — произносит она, и тут на нее накатывает желание быть честной и рассказать, каково ей на самом деле.

Рассказать об усталости и темноте. И о том, что она собирается сделать.

Но ничего не выйдет. Слова — это стена между ней и миром; ее слова покажутся Исааку набором банальностей.

Ее реальность — не его. Что для нее Эверест, для него — невысокая горка.

— Обалденно получился. — Она давит в себе крик, норовящий прорваться слезами, и отводит трубку ото рта, чтобы Исаак не слышал ее отчаяния.

Как же ей нужно, чтобы он расслышал ее немой крик о помощи! Но Исаак остается глух, и озноб снова пробирается в тело — медленно, но верно. Ничего она не рисовала. Ни единой линии не провела карандашом. Не хочется. Его курс ее не вдохновил, хотя это был отличный курс.

Ей вообще ничего не хочется.

Но она рассказывает о своих великих планах, о том, что ступила на путь, который куда-нибудь да приведет.

Вранье, всё вранье.

И она заканчивает разговор, ощущая пустоту и холод.

Моль мечется, влетела в пламя свечи. Вспыхнула, упала на стол. Обожженная, но еще живая; пусть останется на столе.

Мария забирает одну свечу с собой в комнату, достает дневник.

Никто не должен прочитать ее записи; вернувшись на диван, Мария вырывает листы из дневника, один за другим, и сминает их.

Воздух вдруг словно становится гуще. На кухне щелкает, потом доносится жужжание. Это холодильник. Дали электричество.

Мария задувает свечи, включает торшер и идет в прихожую, чтобы достать из кармана куртки кассетный плеер. В тот момент, когда она кладет плеер и скомканную бумагу на стол, торшер гаснет. Электричество снова отключили.

Сейчас она сделает себе больно в последний раз.

Мария Альвенгрен смешивает коктейль в темноте, в забытом богом месте, которое всего пятью буквами отличается от Иерусалима. Она не проливает ни капли.

Сто миллилитров водки, сто миллилитров жидкой хлорки.

Ее не рвет, когда она выпивает смертельный коктейль. После второго стакана тоже не рвет. И после следующих.

Она чувствует себя, как ребенок накануне Рождества. Как ребенок, чьи неугомонные пальцы трогают и трясут коробки, обернутые соблазнительной блестящей бумагой.

Ветер холодит голые запястья, когда она открывает дверь на балкон.

У нее в голове — Голод.

Из-за страха высоты напрягаются ноги. Это рефлексорное, готовность бежать.

Она — добыча, жертва.

ХУРТИГ

Остров Рунмарё

Последние солнечные лучи окрасили скалы и вершины деревьев розовым. Вода под нависшими ветвями стала в сумерках серо-синей, но рябина еще светилась красным.

Два куса говяжьего филе с печеной картошкой и полбагета, запитые литром пива, сделали плюс семь градусов по-осеннему холодного Балтийского моря почти приятными. Исполняющему обязанности полицейского комиссара Йенсу Хуртигу было хорошо. Зазимовавший на мостках шезлонг прогнулся под тяжестью его тела; до арендованного домика рукой подать. Хуртиг чувствовал себя грузным, как островной ледниковый валун.

Хуртиг взглянул на скалы. Считается, что именно эти красные утесы дали острову имя. Древнешведское слово *Rudhne* вполне соответствовало тому, что видел сейчас Хуртиг.

Он услышал, как Исаак с беспокойством в голо-

се сказал кому-то “Пока!”, потом его шаги простучали по мосткам. Хуртиг пытался не слышать телефонный разговор, но кое-что все-таки уловил.

— Одной девушке надо было выговориться, — объяснил Исаак, снова садясь в шезлонг напротив.

Хуртиг кивнул и достал еще пару банок пива из стоящего на мостках ведра с водой.

— Вот когда они говорят “со мной все в порядке” — тут надо насторожиться, — продолжил Исаак, с водянистым щелчком открывая банку. — Хотя не знаю... Может, я зря дергаюсь.

— С кем ты разговаривал?

— С Марией.

— Ты хорошо ее знаешь?

Исаак провел рукой по волосам, глотнул пива, потом ответил:

— Вообще — не очень. Просто одна девочка из Салема, приходила на мои мастер-классы в “Лилии”. Молчунья. По-моему, сейчас она слишком разговаривалась, это-то меня и тревожит.

— А с сестренкой было наоборот. — На Хуртига нахлынули воспоминания пятнадцатилетней давности. — Всегда любила поболтать, но наш последний разговор вышел очень коротким.

Хуртига растревожило сочувствие, с каким глядел на него Исаак; он отвернулся, посмотрел на море, а потом продолжил:

— Она сказала: люблю тебя, братишка. И всё.

А потом положила трубку, пошла и повесилась, подумал Хуртиг.

Он слышал, как дышит Исаак. Долгие, разме-

ренные вдохи и выдохи, не попадавшие в такт с порывами ветра в деревьях, окружавших домик. По жестяной крыше стучала ветка. Становилось ветрено.

— Это прекрасно, — сказал Исаак, помолчав. — Прекрасное прощание.

— Да. Может быть.

— По-твоему, мне следует беспокоиться за Марию?

— Не знаю. — Хуртиг подумал. — Тебе на нее не наплевать, а быть человеком — значит быть способным к сочувствию, так?

— Что есть сочувствие?

— Сочувствие — это когда не хочешь ранить другого человека или навредить ему, — предположил Хуртиг и отпустил мысли на волю. — Способность вжиться в чувства другого.

— Уметь не сливать негатив на ближнего своего, — констатировал Исаак. — Вот почему политики никогда не бывают по-настоящему человечными, а может, и художники тоже. Профессии, которые требуют быть социопатом, а то и психопатом.

Хуртиг рассмеялся:

— Хочешь сказать — ты психопат, потому что художник? Ты серьезно или прикалываешься?

— Как художник я нахожусь в позиции, которая позволяет влиять на множество незнакомых мне людей. Должен ли я в таком случае снять с себя ответственность за последствия моей работы?

— Я думал, искусство — это про человеческое общение.

— Да, это *твои* слова. Но сколько людей говорит